

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Юрий Мухин

**«Я солдата
на фельдмаршала
не меняю!»**

**Трагедия Сталина
и его сыновей**

МОСКВА
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2013

УДК 355/359

ББК 68

М 92

Разработка дизайна серии *Петра Волкова*
Оформление переплета *Юрия Щербакова*

В коллаже на переплете использованы фотографии:

Николай Петров / РИА Новости;

Photo 12 / EAST NEWS

Мухин Ю. И.

М 92 Трагедия Сталина и его сыновей. «Я солдата на фельдмаршала не меняю!» / Юрий Мухин. — М. : Яуза-пресс, 2013. — 288 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-9955-0606-5

«Я солдата на фельдмаршала не меняю!» Кто не помнит эти слова Сталина из классического военного фильма — ответ Вождя на предложение обменять его попавшего в плен сына Якова на сдавшегося в Сталинграде фельдмаршала Паулюса! Отправив на фронт обоих своих сыновей (кто из нынешних кремлевских временщиков способен на такое?!), Сталин считал, что обязан разделить с советским народом общую судьбу и жертвовать всем, даже родной кровью, ради Победы.

Но стоит ли вообще верить утверждению гитлеровцев и их нынешних «либеральных» подпевал, что старший сын Вождя добровольно сдался в плен? Имеются ли убедительные доказательства подлинности протоколов допроса Якова Джугашвили и тех мутных ретушированных фотографий, на которых он мирно беседует с немецкими офицерами? Или всё это — вражеская провокация, грязная фальшивка, состряпанная геббельсовской пропагандой, чтобы опорочить Верховного Главнокомандующего Красной Армии через его сына?

Проведя собственное расследование, ведущий историк и публицист патриотических сил приходит к выводу, что немцы выдавали за Якова Джугашвили его «двойника» (отсюда и фотомонтаж, и масса ошибок и нестыковок в показаниях), что на самом деле старший сын Сталина не сдавался в плен, но пал смертью храбрых в бою, а младший сын Вождя, герой войны, боевой летчик-орденоносец Василий Сталин был убит хрущевскими иудами за то, что не отрекся от отца и не предал его светлой памяти!

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-9955-0606-5

© Мухин Ю.И., 2013

© ООО «Яуза-пресс», 2013

Предисловие

ЛОЖЬ И КОВАРСТВО

Война — дело старое, и никакие совершенствования оружия и тактики боя не меняют принципов победы, а их еще в XIX веке довольно дотошно, хотя и с обычным для немца академизмом, описал Карл фон Клаузевиц в своем объемном труде «О войне». И Клаузевиц еще в те годы заметил, что для победы в войне совершенно недостаточно иметь материальный перевес (хотя он очень важен). Если бы дело было в нем, то войн никогда бы не было, поскольку враждующие стороны могли бы подсчитать, сколько у кого людей, пушек и снарядов, и объявить победителя, так сказать, по очкам. Но войны идут независимо от материальной силы сторон, и это объясняется тем, что на победу сильнейшее влияние оказывают еще два фактора — моральная стойкость войск и народа и случай. Правда, второй фактор без первого не существует, поскольку для того, чтобы рискнуть и воспользоваться случаем, нужно быть морально стойким — смелым и храбрым.

Клаузевиц совершенно точно определил, что у собственно войны всего одно средство победы — бой, но из-за морального фактора на те принципы, которыми достигается военная победа, нужно смотреть шире, и цель боя может быть достигнута и без боя (выделено Клаузевицем):

«Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достиг-

*нута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. ...Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т.е. не заключало в себе **внутренне-го противоречия** с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать **возможность** такого хода войны».*

Моральные силы противника — это такая же сила, как и его материальная сила, однако уничтожение моральных сил гораздо дешевле, нежели уничтожение его материальных сил, и надо быть не государственным деятелем, а дебилом или предателем, чтобы не принять мер к уничтожению моральной силы противника и сохранению своей. Уже к середине XIX века анализ показывал, что достижение победы путем уничтожения не материальной, а моральной силы противника гораздо выгоднее и гораздо безопаснее, нежели достижение победы единственным имеющимся у войны средством — боем.

Но для уничтожения моральных сил противника и соответственного укрепления своих моральных сил тоже нужны снаряды, и этими снарядами являются идеи, с помощью которых уничтожаются моральные силы противника.

В Германии времен Второй мировой войны главным пропагандистом считается министр пропаганды Рейха Йозеф Геббельс. Не хочу отнимать у него заслуг, но он все же не более чем помощник тогдашнего вождя (фюрера) Германии Адольфа Гитлера и никогда, судя по некоторым деталям, в вопросах пропаганды полностью самостоятельным не был. А Адольф Гитлер убийственную роль пропаганды испытал на собственной шкуре, когда был солдатом Первой мировой войны.

Гитлер писал, что уже давно убедился, что правильное применение пропаганды как оружия является настоящим искусством, которым требуется овладеть.

Причем чем шире та аудитория, на которую нужно воздействовать пропагандой, тем тщательнее нужно подбирать пропагандистские идеи. К примеру, Гитлер вспоминает, что германская и австрийская пропаганда в юмористических изданиях все время представляла противника в смешном виде. Это было глупостью потому, что при первой же встрече с реальным противником немецкий солдат получал совершенно иное представление о противнике, чем это рисовалось в прессе. И немецкий солдат чувствовал себя обманутым и переставал верить немецкой печати во всем. Солдату начинало казаться, что его специально обманывают, что его гонят на убой, что он не защитник родины и идеалов, а всего лишь пушечное мясо в подлой игре политиканов. А это никак не могло укреплять волю к борьбе и вызывало отчаяние.

Поскольку оружием пропаганды являются идеи, распространяемые среди войск и населения противника, то представьте, что солдат, которого призывают жизнь отдать и не сдаваться, узнает, что сын руководителя страны уже сдался противнику. Как это на солдата подействует?

— Ведь миллионы народных масс, — объяснял Гитлер, казалось бы, очевидное, — состоят не из дипломатов и не из профессиональных юристов, массы состоят из людей, часто колеблющихся, легко склонных впадать в сомнения, переходить от одной крайности к другой. И если допустили хоть тень сомнения в правоте своего правительства, в единстве с ним, то этим создается целый очаг сомнений и колебаний. Массы уже будут не в состоянии решить, где же кончается ложь противника и где начинается ложь собственного правительства.

Повторю, Гитлер еще в окопах начал думать над тонкостями и приемами пропаганды и всецело использовал их сначала для формирования своей партии и победы на выборах, а затем и в ходе Второй мировой войны.

Интересно, что историки всех стран, чем больше времени проходит после войны, тем меньше акцентируют внимание на пропаганде и тем больше страниц посвящают технике, оружию и т.д. А ведь в ходе Второй мировой войны и сразу после нее мощность этого рода войск Германии настолько была в глаза, что рассмотрению приемов и способов действия немецкой пропаганды место уделяли все — от французского публициста Андре Моруа до английского военного теоретика Д. Фуллера.

К примеру, в своем написанном по горячим следам в 1948 г. труде «Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор» Фуллер о важности пропаганды пишет уже в первой главе:

«К несчастью для Британии и Франции, Германия в 1933 г. подпала под влияние человека с весьма определенными политикой и планами, человека, соединявшего в себе качества реалиста, идеалиста и провидца, который для одних был просто Гитлером, а для других — самим богом».

«Кто говорит, что я собираюсь начать войну, как сделали эти дураки в 1914 году, — кричал Гитлер. — Разве все наши усилия не направлены к тому, чтобы избежать этого? Люди в большинстве своем совсем лишены воображения... Они слепы к новому, к незнакомым вещам. Даже мысль генералов бесплодна. Они барахтаются в паутине технических знаний. Созидующий гений всегда выше круга специалистов».

Еще в 1926 г., когда Гитлер только писал второй том «Mein Kampf», он полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне «моторизация» будет «преобладать и сыграет решающую роль». Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и в стратегию сокрушения. Он считал войну орудием политики, а так как его политическая цель заключалась в захвате Lebensraum для немцев, то Гитлер соответствующим образом разрабатывал тактические планы. Целью Гитлера было в кратчайший срок*

* Жизненное пространство.

при минимальном ущербе для материальных ценностей сломить волю противника к борьбе. Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подрвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала военных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: «Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия — война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его (противника) военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями».

Из приводимой ниже цитаты из книги Раушинга видна суть теории Гитлера: «Место артиллерийской подготовки перед атакой пехоты в позиционной войне в будущем займет революционная пропаганда, которая сломит врага психологически, прежде чем вообще вступят в действие армии. Население вражеской страны должно быть деморализовано, готово капитулировать, ввергнуто в состояние пассивности, прежде чем пойдет речь о военных действиях.

Мы будем иметь друзей, которые помогут нам во всех вражеских государствах. Мы сумеем заполучить таких друзей. Смятение в умах, противоречивость чувств, нерешительность, паника — вот наше оружие...

Через несколько минут Франция, Польша, Австрия, Чехословакия лишатся своих руководителей. Армия останется без генерального штаба. Все политические деятели будут устранены с пути. Возникнет паника, не поддающаяся описанию. Но я к этому времени уже буду иметь прочную связь с людьми, которые сформируют новое правительство, устраивающее меня».

И я посоветовал бы померить температуру тем историкам, которые с абсолютной уверенностью воспроизводят числа и факты, вышедшие из министерства пропа-

ганды Гитлера — человека, который не только не отдал это министерство «*в руки ослов*», но и открыто заявлял: «*Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?*» Сколько надо ума, чтобы делать выводы, закладывая в их основание хитрость и обман немцев?

Из вышесказанного формулируются следующие выводы:

— противника дешевле и более безопасно разгромить морально, нежели на поле боя;

— в связи с этим пропаганда является главным родом войск в любой войне;

— поскольку ложь и коварство для обмана противника естественны в любой войне, то они естественны и в военной пропаганде.

В данной работе я покажу, как ловко немцы воспользовались случаем и как старательно провели одну из своих многочисленных пропагандистских операций.

Часть 1

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Структура управления СССР

В отличие от младшего сына, Василия Иосифовича Сталина, сын И.В. Сталина Яков Иосифович Джугашвили был бы скорее всего «обычным советским человеком», если бы он не был сыном Сталина. Но он им был. А вот это обстоятельство многое определило и в личной жизни Якова — в том, что в наших понятиях не включает в себя какую-либо общественную деятельность.

Да и в плане личной жизни быть сыном вождя такой страны сыновьям Сталина было очень не просто, а Сталин был реальным ВОЖДЕМ страны, а не вождем по должности. С точки зрения сегодняшнего дня, он был уникальным человеком, и поэтому малопонятным сегодняшним людям. Поэтому сначала поговорим о нем.

Сталин был коммунистом («большевиком»), но не потому, что он был членом партии коммунистов, а по своим убеждениям, по цели своей жизни. А само слово «коммунист» происходит от слова «коммуна» — общий. Соответственно, коммунистическая власть — это власть всех членов общества, а не власть членов коммунистической партии. Это надо помнить, когда говорят, что Сталин был вождем всего народа — «отцом народа», хотя две трети времени своей деятельности после 1917 года он был всего лишь одним из пяти секретарей партии коммунистов.

Когда коммунисты после переворота 1917 года в ходе Гражданской войны взяли власть в России, то они и за-

думывали свою власть как власть всего народа. Технически эта власть состояла из местных и союзного законодательных органов, называемых Советами. В Советы избирались депутаты, по Конституции СССР 1936 года («Сталинской Конституции») — на основе общего, прямого и тайного голосования.

Высший законодатель страны — Верховный Совет СССР — в полном составе (все депутаты) собирался на свои сессии не реже двух раз в год, в промежутках законодательную власть осуществлял (менял министров, издавал указы и т.д.) Президиум Верховного Совета СССР. Председателями президиума (одно время — Центрального исполнительного комитета) были: Я.М. Свердлов — по 1919 г., М.И. Калинин — по 1946 г., Н.М. Шверник — по 1953 г., в 1953 г. — К.Е. Ворошилов.

Законодатель избирал правительство страны — Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. — Совет Министров). Правительство руководило страной: организовывало всех на исполнение Законов и Указов Верховного Совета, т.е. «Советской власти».

Правительство состояло из народных комиссариатов (министерств), руководили ими народные комиссары (министры), их всех возглавлял Председатель Совета Народных Комиссаров (председатель Совета Министров) — глава страны. Подчеркну — главой страны был Председатель Совета Народных Комиссаров. Персонально главами СССР от Октябрьской революции по смерть Сталина были: В.И. Ленин — по 1924 г., А.И. Рыков — по 1930 г., В.М. Молотов — по 1941 г., И.В. Сталин — по 1953 г.

Однако осуществить этот самый демократический замысел власти в чистом виде не удавалось. К 1936 году стало казаться, что вот, наконец, можно установить и коммунистическую власть (уже были даже отпечатаны образцы бюллетеней для выборов, в которых был не один, а несколько кандидатов в депутаты), но надвину-

лась война, потом она началась, потом потребовалось восстанавливать страну из послевоенной разрухи.

Почему не удалось? Потому, что в такие угрожающие периоды общество спасает не демократия, а диктатура.

Есть состояния мира и войны, эти состояния настолько различны, что различаются и становятся несовместимыми ценности этих периодов. Для мира высшей ценностью является человеческая жизнь, а для войны высшая ценность — убить врага, что в мирное время совершенно недопустимо.

Такое же различное положение и со способом управления страной. В мирное время максимальный прогресс дает демократия, поскольку способствует отбору талантливых руководителей (я, в данном случае, имею в виду теорию вопроса, а не нынешние фашистские (диктаторские) власти России, прикрывающие свой фашизм как бы «свободными выборами»). А диктатура в мирное время — это регресс, поскольку в мирное время диктаторы, оставаясь без критики даже врагов, быстро загнивают — тупеют, ленятся, окружают себя льстивой и глупой челядью, а преемники диктаторов вообще превращаются в раковую опухоль страны.

Тем не менее в тяжелое для страны время страну спасает диктатура, обеспечивающая единство действий всей страны, и эту диктатуру в СССР осуществляла партия. Но это громко и неправильно сказано, на самом деле эту диктатуру осуществляла партийная номенклатура — руководители, или, как их называли тогда, вожди партии, а рядовые члены партии к управлению всей страной не имели ни малейшего отношения (хотя их властная роль на местах была достаточно значительна).

Вот тут всплывает очередной важный вопрос — а как осуществить диктатуру, если конституционная организация управления страной никакой диктатуры не предусматривает? Если по Конституции и в стране нет должностей ни диктаторов, ни вождей? Если Конституция

СССР не предусматривала, чтобы даже самый незначительный чиновник советской власти исполнял приказы не своих начальников, а каких-то партийных вождей?

Нужно понять, что для диктатуры главное, чтобы приказы диктатора исполнялись, а вот от чьего имени будут эти приказы — непосредственно от диктатора или кого-то по его поручению — не имеет значения. (То есть если президент США от своего имени дает приказ и добивается исполнения воли некой «элиты» Запада, то это и будет диктатура этой элиты, хотя публика самой этой «элиты» не видит и не слышит.)

Так вот и большевики осуществляли свою диктатуру не явно, а через конституционные органы советской власти. Но сначала несколько слов об организации и управлении самой партии большевиков — ВКП(б).

Реальная элита СССР, ее лучшие люди, готовые на труд и бой за страну и ее идеальное справедливое будущее — Коммунизм, вступали в ВКП(б). (Мерзавцы тоже вступали ради карьеры, но речь не о них.) Эта элита (коммунисты) избирала себе руководителей первичных, районных, областных, республиканских организаций и всей партии прямо или через делегатов съездов. Формально высшими руководящими органами партии были собрания или съезды, но фактически партией (и страной) руководили избираемые этими собраниями и съездами постоянно действующие органы: парткомы, райкомы, обкомы, центральные комитеты.

Центральные комитеты (ЦК) избирались республиканскими компартиями и всей ВКП(б), но постоянно действующими они были формально, поскольку фактически они в лучшем случае собирались на пленумы три раза в году. А непрерывно партией коллегиально руководили 4—5 секретарей партии (одного из секретарей ЦК назначал «генеральным», в республиках — «первым», хотя при Сталине начиная с 1934 года генеральных секретарей уже не было — руководство было чисто коллегиальное, коллективное).

Это абсолютно достаточная структура управления любой партией, и если вы посмотрите, то сегодня во всем мире и у нас в России именно такими структурами все партии и управляются. Но ведь сегодня ни одна из таких партий не имеет диктаторской власти в своих странах. А как же тогда и при помощи чего большевики осуществляли свою диктатуру?

При помощи создаваемого на съезде партии специального органа — Политического бюро (Политбюро).

Диктатура партии осуществлялась так.

Диктатура партии

Любой мало-мальски важный государственный вопрос поступал сначала к секретарям ЦК ВКП(б), и если они считали необходимым принять по нему решение, которое исполнял бы весь народ, то от них этот вопрос поступал в Политбюро. А персональный состав Политбюро имел принципиальную особенность — в его составе всегда был официальный глава страны (председатель Совнаркома — Совмина), и, кстати, именно он и председательствовал на заседаниях Политбюро. Глава Советской власти, председатель Президиума Верховного Совета СССР, также был членом Политбюро. Членами Политбюро при Сталине, как правило, были и наиболее выдающиеся на тот момент государственные деятели (поскольку в то время партийных и государственных деятелей невозможно было разделить — это были практически одни и те же лица).

Итак, поступая в Политбюро, вопрос рассматривался, и если он мог быть решен Политбюро на основании действующих законов, то Политбюро находило решение и передавало свое решение вопроса для исполнения находившемуся в составе Политбюро Председателю Правительства СССР. Таким образом, получалось, что глава СССР перед тем, как рассмотреть вопрос со своими ми-